

Актуальные вопросы частного права

УДК 343.13

DOI: 10.26456/vtpravo/2022.2.007

О ВЗАИМОСВЯЗИ И РАЗГРАНИЧЕНИИ ПРАВА НА РЕАБИЛИТАЦИЮ УМЕРШЕГО ОБВИНЯЕМОГО И ПРАВА ЕГО НАСЛЕДНИКОВ НА ВОЗМЕЩЕНИЕ ВРЕДА (НА ПРИМЕРЕ СУДЕБНОГО СПОРА)¹

О.Г. Барткова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Обосновывается юридическая значимость правильности определения круга условий, составляющих основания возмещения вреда. Право гражданина на возмещение вреда, связанного с уголовным преследованием, имеет особенности, отличающие его от права на возмещение вреда иным физическим лицам, включая и возмещение вреда, требования относительно которого могут быть заявлены наследником умершего обвиняемого. При этом важно учитывать корреляционный характер этих прав. Особое внимание в исследовании отводится вопросу необходимости разграничения оснований ответственности, установленных ст. 1070 и п. 1 ст. 1069 Гражданского кодекса Российской Федерации применительно к категории обвиняемых и их наследников. На основе конкретного гражданского спора и судебных актов, в которых исследованы его обстоятельства, автором проанализированы определенные ошибки, допущенные судебными органами при рассмотрении такого спора. Сформулировано несколько дополнительных выводов к судебным позициям.

Ключевые слова: *вред, деликт, незаконные действия, государственные органы, возмещение вреда, компенсация морального вреда, основания и условия возмещения вреда, право на реабилитацию, противоправность, вина.*

К числу общих условий возмещения вреда, как известно, относятся те, которые закреплены, прежде всего, в абз. 1 п. 1 ст. 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) и в первом предложении п. 2 этой же статьи. Из них следует, что вред, причиненный личности или имуществу гражданина, а также имуществу юридического лица, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред при наличии его вины. Соответственно, общими условиями являются: наличие вреда, противоправность поведения причинителя вреда, причинно-следственная связь между первым и вторым условием, а также вина лица, причинившего вред.

¹ Данная работа выполнена при информационной поддержке СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18.05.2019).

Подчеркнем, перечисленные условия относятся к содержанию общего основания возмещения вреда, но случаи причинения вреда чаще всего требуют обращения к положениям о специальных деликтах, что имеет место и в исследуемом нами примере судебного спора. Обстоятельства его связаны с правом обвиняемого на реабилитацию, умершего еще до возбуждения уголовного дела. Его жена обратилась с исковыми требованиями о компенсации морального вреда. В ходе изучения четырех взаимосвязанных судебных актов [2–5], возникает вопрос: идет ли речь о таком требовании в рамках перешедшего к ней как к наследнику права на реабилитацию умершего мужа либо она заявляла это требование исключительно в своих интересах? Таким образом, главной проблемой является определение нормативного основания для такого требования, что не так просто, учитывая корреляционный характер указанных требований.

Гражданка В.В.Д. состояла в браке с Н.П.Д., который 30.11.2012 г. умер. Уже после его смерти, 26.06.2015 г. было возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ) «Мошенничество», по которому 17.05.2013 г. постановлением следователя умерший Н.П.Д. привлечен в качестве обвиняемого, а В.В.Д. в качестве его законного представителя, а в последующем и в качестве гражданского ответчика по уголовному делу. Этот пример интересен еще и тем, что иллюстрирует позицию, изложенную в Постановлении Конституционного Суда РФ от 14.07.2011 г. № 16-П (далее – Постановление КС РФ № 16-П) [1], который признал, что при наличии такого основания прекращения уголовного дела, как смерть подозреваемого (обвиняемого), защита конституционных прав личности не может быть обеспечена без предоставления близким родственникам умершего права настаивать на продолжении производства по уголовному делу. Целью этого является возможное признание в последующем реабилитации умершего и обеспечение реализации этого права. Более того, этим лицам должны быть обеспечены права, которыми в соответствии с законом, в частности Уголовно-процессуальным кодексом РФ (далее – УПК РФ), должен был бы обладать подозреваемый, обвиняемый (подсудимый) при его жизни. Конституционный Суд РФ также указал, что федеральному законодателю надлежит внести соответствующие изменения, направленные на обеспечение государственной, в том числе судебной, защиты чести, достоинства и доброго имени умершего подозреваемого (обвиняемого), включая конкретизацию перечня лиц, наделяемых правом настаивать на продолжении производства по уголовному делу в контексте указанной выше цели и соответствующий правовой статус таких лиц. Разработанный в связи с этим Законопроект № 180771-6 [6]

до настоящего времени не принят. Однако положения Постановления КС РФ № 16-П применяются правоохранительными органами.

Вернемся к казусу. Постановлениями Ленинского районного суда г. Ульяновска в мае и октябре 2015 г. наложен арест на имущество, ранее принадлежавшее Н.П.Д., а после его смерти – его жене и детям как наследникам. Такая мера принуждения сохранялась весь период расследования уголовного дела.

22.01.2019 г. приговором того же суда, Н.П.Д. был оправдан. Соответственно, за его законными представителями было признано право на реабилитацию и возмещение причиненного им имущественного и морального вреда. 20.03.2019 г. приговор суда первой инстанции в части признания права на реабилитацию изменен: за наследниками Н.П.Д. признано право требования возмещения только имущественного вреда, причиненного умершему.

Напомним, что согласно п. 34 ст. 5 УПК РФ, под реабилитацией понимается порядок восстановления прав и свобод лица, незаконно или необоснованно подвергнутого уголовному преследованию, и возмещения причиненного ему вреда. Из ч. 2 ст. 6 УПК РФ, где определено назначение уголовного судопроизводства, в более широком и основополагающем смысле реабилитация – это публичное признание отсутствия оснований для уголовной ответственности и уголовного преследования лица, которому оно ранее подверглось; реабилитация является следствием установления невиновности лица в совершении деяния, запрещенного уголовным законом. Такое толкование было дано в Постановлении КС РФ № 16-П. Реабилитация рассматривается также в контексте особого права, которым наделены определенные в законе физические лица, и включает в себя право на возмещение имущественного вреда, устранение последствий морального вреда и восстановление во всех правах, включая трудовые, пенсионные, жилищные. При этом такой вред возмещается государством в полном объеме независимо от вины органа дознания, дознавателя, следователя, прокурора и суда. Таким образом, право на реабилитацию охватывает собой и право на возмещение вреда, причиненного тем имущественным и личным неимущественным правам, которые составляют объект гражданско-правовой охраны и защиты (ст. 2, ст. 1064, ст. 1079 ГК РФ), являясь при этом более широким по объему, характеру и содержанию прав, подлежащих восстановлению в процессе применения механизма реализации права на реабилитацию (п. 34 ст. 5, ч. 1 ст. 133, 135, 136, 138 УПК РФ).

Признание судом за наследниками Н.П.Д. права требования на возмещения имущественного вреда основано на ч. 3 ст. 135 УПК РФ. На это указано и в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2011 г. № 17 «О практике применения судами норм главы 18

Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве» (далее – Постановление Пленума ВС РФ № 17) [2]. Соответственно, сам закон допускает правопреемство в отношении такого права. Подчеркнем, что речь идет об имущественном вреде, причиненном реабилитированному, но не наследникам. Нам неизвестно, заявляла ли такое требование гр. В.В.Д., но достоверно известно, что 03.02.2020 г. Ленинским райсудом г. Ульяновска в рамках дела № 2-512/2020 было рассмотрен иск В.В.Д. к Российской Федерации в лице Министерства внутренних дел РФ, Министерства финансов РФ, Управления федерального казначейства по Ульяновской области о компенсации морального вреда в сумме 4,3 млн. руб. Поясним, что сумма была рассчитана так: 100 тыс. руб. в месяц за 43 месяца незаконного уголовного преследования. Решением того же суда требования были удовлетворены частично (в размере 100 тыс. руб.), со взысканием с Министерства финансов РФ (безусловно, за счет средств казны Российской Федерации). В остальном в удовлетворении иска к Минфину РФ, а также к иным федеральным органам было отказано. Примечательно, что ответчик был указан верно – Российская Федерация, что соответствует положениям ст. 16 ГК РФ и разъяснениям, данным в п. 15 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 г. № 25. Но все ли органы, указанные истцом и перечисленные выше, являются теми, которые в соответствии с законом должны выступать от имени РФ при возмещении вреда за ее счет? Это была одна из ошибок, допущенных истцом и районным судом. Ошибки объяснялись тем, что суд в оценке требования граждански В.В.Д. применил п. 1 ст. 1070, в то время когда основания ее иска лежат в границах применения ст. 1069 ГК РФ. Заметим также, что при определенных условиях (а они будут специальными по отношению к названным выше статьям ГК РФ), у гр. В.В.Д. могло возникнуть право на возмещение вреда на основании ч. 3 ст. 133 УПК РФ.

Безусловно, В.В.Д. не относится к числу лиц, наделенных правом на реабилитацию в соответствии с ч. 2 ст. 133 УПК РФ, а также п. 1 ст. 1070 ГК РФ. На это в своем Апелляционном определении указал Ульяновский областной суд от 16.06.2020 г. по делу № 33-2323/2020, отменив решение суда первой инстанции в полном объеме. Эта позиция была в целом подтверждена всеми последующими судебными актами [2–4].

Примечательно, что В.В.Д. очень убедительно описывает обстоятельства, свидетельствующие о наличии у нее морального вреда. В частности, по мнению истицы, которое было поддержано судом первой инстанции, незаконное привлечение супруга истицы к уголовной ответственности повлекло причинение ей нравственных страданий, нарушению ее конституционных прав на уважение семейной и частной

жизни, личных неимущественных прав – чести, достоинства и доброго имени как члена семьи умершего супруга. Она же указывает на те нравственные страдания, которые являются результатом незаконных, по ее мнению, действий органов предварительного расследования: срок следствия продлевался 14 раз; был наложен арест на имущество истицы и ее детей; на нее и детей длительное время оказывалось психологическое воздействие, расследование проходило в условиях вмешательства в личную жизнь; истицу допрашивали вместо умершего обвиняемого, предлагали признать вину за него; сведения об уголовном деле могли негативно сказаться на отношении общества к истице и ее детям и пр.

Таким образом, даже из небольшого отрывка судебного акта можно понять, что гр. В.В.Д., заявляя требования о компенсации морального вреда, фактически выступает и как лицо, действующее в интересах умершего супруга, пытаясь защитить его доброе имя, и в собственных интересах, говоря о ее личных нравственных страданиях, и в интересах детей, испытывавших нравственные страдания. Все они являются разными субъектами отношений, обладателями определенных субъективных гражданских прав и носителями собственных интересов. Однако заметим, что центральное в позиции В.В.Д. – это причиненный именно ей моральный вред.

Могла ли гр. В.В.Д. обращаться требованием о компенсации морального вреда в интересах своего мужа? Уже сложилась доктринальная позиция по данному вопросу, суть которой в том, что поскольку право на компенсацию морального вреда в денежном выражении неразрывно связано с личностью реабилитированного, то оно не входит в состав наследства и, следовательно, не может переходить в порядке наследования (ст. 1112 ГК РФ). Поэтому в случае смерти реабилитированного до разрешения поданного им в суд иска о компенсации морального вреда производство по делу подлежит прекращению на основании абз. 7 ст. 220 ГПК РФ (п. 24 Постановления Пленума ВС РФ № 17). Кроме того, суд обратил внимание на то, что Н.П.Д. умер еще до возбуждения уголовного дела и был привлечен к качеству обвиняемого уже после своей смерти.

Заметим, что касательно недопустимости наследственного правопреемства требования о компенсации морального вреда, в цивилистической науке нет единого мнения. Более того, аргументы некоторых ученых, в частности кандидата юридических наук А.А. Ягельницкого [7], позволяют сомневаться в сложившейся практике такого отрицания правопреемства.

Важно обратить внимание на то обстоятельство, что истицей требования о компенсации морального вреда изначально были заявлены в соответствии с нормами, предусматривающими реабилитацию, но юридически более верным при данных обстоятельствах могло быть

только основание, предусмотренное ст. 1069 ГК РФ. При этом ее применение предполагает наличие общих условий, которые были указаны в самом начале исследования (включая вину лица, причинившего вред), а также специальные условия, относящиеся к субъекту причинителю и к сфере деятельности, где мог иметь место факт противоправного поведения причинителя (два последних условия действительно присутствовали).

Таким образом, судебные органы указали, что В.В.Д. не представлено доказательств наличия вышеперечисленных условий для наступления ответственности в порядке ст. 1069 ГК РФ, в том числе не представлено доказательств как самого факта причинения вреда истице, так и противоправности действий следственных органов, вины лица, причинившего вред.

Отвергая также такое возможное основание заявления требования как ч. 3 ст. 135 УПК РФ, апелляционная инстанция указывает, что к В.В.Д. меры уголовного принуждения не применялись, истицей не представлено доказательств причинения ей морального вреда действиями следственных органов, расследующих уголовное дело в отношении ее умершего супруга. Кроме того, 09.07.2016 г. В.В.Д. была исключена из числа гражданских ответчиков, 27.05.2016 г. отстранена от участия в уголовном деле как законный представитель обвиняемого Н.П.Д. Это было вызвано тем, что В.В.Д. на протяжении всего срока следствия умышленно уклонялась от явки к следователю и не являлась на проведение следственных действий с ее участием. Была дана оценка поведению В.В.Д. – такие действия наносят ущерб интересам Н.П.Д.

Итак, проведенное исследование позволяет сформулировать нам следующие выводы. Необходимо различать субъективное гражданское право обвиняемого на возмещение причиненного ему вреда в порядке, предусмотренном гражданским законодательством РФ (в силу п. 1 ст. 1070 или ст. 1069 ГК РФ), и право на возмещение вреда, которое обеспечивается через механизм его реабилитации в соответствии с гл. 18 УПК РФ (может применяться в совокупности с п. 1 ст. 1070 или п. 2 ст. 10170 и ст. 1069 ГК РФ), а также перешедшее к наследникам право на реабилитацию умершего лица. Условия возникновения и объем таких прав отличаются. При этом для права наследников на реабилитацию умершего лица, безусловно, первичными являются юридические факты, лежащие в основе права умершего обвиняемого на реабилитацию.

Кроме того, право каждого из наследников требовать возмещения причиненного им вреда как самостоятельное субъективное право может возникнуть по основаниям, предусмотренным ст. 1069 ГК РФ, а также ч. 3 ст. 135 УПК РФ.

При этом важно учитывать корреляционный характер этих прав, в основе которого лежат как общие юридические факты, необходимые для

их возникновения, так и специальные, предусмотренные для каждого из них в гипотезах разных правовых норм.

Список литературы

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2011 г. № 16-П // СПС «КонсультантПлюс».

2. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 29.06.2021 г. № 80-КГ21-4-К6, 2-512/2020// СПС «КонсультантПлюс».

3. Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 28.10.2020 г. по делу № 88-21710/2020// СПС «КонсультантПлюс».

4. Апелляционное определение Ульяновского областного суда от 16.06.2020 г. по делу № 33-2323/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

5. Решение Ленинского районного суда города Ульяновска от 03.02.2020 г. по делу № 2-512/2020// СПС «КонсультантПлюс».

6. Проект федерального закона (Законопроект № 180771-6) «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части уточнения порядка производства по уголовному делу в случае смерти обвиняемого, подозреваемого, лица, подлежащего привлечению к уголовной ответственности)» // Сайт СОЗД ГАС «Законотворчество», [Эл. ресурс] URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/180771-6> (дата обращения: 08.05.2022 г.).

7. Ягельницкий А.А. К вопросу о неразрывной связи права с личностью: преемство в праве требовать компенсации морального вреда и вреда, причиненного жизни или здоровью // Вестник гражданского права. 2013. № 2. С. 60 – 91.

Об авторе:

БАРТКОВА Ольга Георгиевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Тверского государственного университета (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 1716-9636, e-mail: bartkova_og@mail.ru

CORRELATION OF THE CONDITIONS FOR THE REALIZATION OF THE RIGHT TO REHABILITATION OF THE DECEASED ACCUSED AND THE RIGHT OF HIS HEIRS TO COMPENSATION FOR HARM (ON THE EXAMPLE OF A COURT DISPUTE)

O.G. Bartkova

Tver State University, Tver

The legal significance of the correctness of determining the range of conditions that constitute the grounds for compensation for harm is substantiated. The right of a citizen to compensation for harm related to criminal prosecution has features that distinguish it from the right to compensation for harm to other individuals, including compensation for harm, claims for which can be made by the heir of the deceased accused. At the same time, it is important to take

into account the correlative nature of these rights. Special attention in the study is given to the issue of the need to differentiate the grounds of responsibility established by Article 1070 and paragraph 1 of Article 1069 of the Civil Code of the Russian Federation in relation to the category of accused and their heirs. On the basis of a specific civil dispute and judicial acts in which its circumstances are investigated, the author analyzes certain mistakes made by judicial authorities when considering such a dispute. Several additional conclusions to the judicial positions have been formulated.

Keywords: *harm, tort, illegal actions, state bodies, compensation for harm, compensation for moral harm, grounds and conditions for compensation for harm, right to rehabilitation, wrongfulness, guilt.*

About author:

BARTKOVA Olga – PhD in Law, Associate Professor, Department of Civil Law, Tver State University (170100, Tver, 33 Zhelyabova St.), SPIN-код: 1716-9636, e-mail: bartkova_og@mail.ru

Барткова О.Г. О взаимосвязи и разграничении права на реабилитацию умершего обвиняемого и права его наследников на возмещение вреда (на примере судебного спора) // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2022. № 2 (70). С. 7–14.